

Бомба с проспекта Руставели

Гастроли Роберта Стуруа и фильм, который не был снят

В Москве с большим успехом проходит показ спектаклей Роберта Стуруа, поставленных им на сцене Театра имени Руставели. Впервые столица познакомилась с ним весной 1976 года. Тогда все поняли, что Стуруа создал больше чем театр — это были корни из нервных узлов тогдашнего общества. И я готовился снимать фильм об уникальном явлении грузинского искусства. Фильм не состоялся — материалы к нему сохранились.

Сергей СТРАХОВ

По рождению я тбилисец, и Театр Руставели вошел в мою жизнь с детских лет. Сначала это был просто очень красивый дом на проспекте Руставели; когда меня вели мимо, я любовался высокими зеркальными окнами, гранитным портиком, большими резными дверями. За ними чувился загадочный мир. Он привлекал и отпугивал одновременно. Помню жаркие споры вокруг «Царя Эдипа». Весь город — дома, на базаре, в хинкальных — решал вопрос: какой царь лучше? Акакий Хорава, Акакий Васадзе, Серго Закариадзе и Эроси Манджгаладзе играли отцеубийцу и кровосмесителя в очередь, и

требовалось посмотреть всех, чтобы в споре не потерять лица.

Много позже, когда руководителем театра был яркий и импульсивный Додо Алексидзе, я получил от него дорогой подарок — право присутствовать на репетициях. Они оказались живее и интереснее закованных в идеологические рамки спектаклей. Театр этот, как ведущий коллектив республики, держали под бдительным надзором. Когда в 1925 году реформатор грузинской сцены Котэ Марджанишвили поставил своего знаменитого «Гамлета» с Ушанги Чхендзе, он получил немало идеологических шлепков. В частности, за то, что мопильщики были одеты как грузинские крестьяне и изъяснялись на сочных диалектах разных провинций Гру-

зии. Сандро Ахметели, ученик, а в чем-то и антагонист своего учителя Марджанишвили, тоже непрерывно подвергался критике. За смешение стилей, за использование — «как в кабаре!» — музыкальных интермедий, за условность сценографии, формализм... Пока не был огражден от любых нападок компетентными органами — в 1937 году.

Но желание создать театр национальный и в то же время впитавший достижения мирового опыта вдохновляло все новые поколения режиссеров. Требовался талант, который бы осуществил задачу гармонично и мощно. Впервые посмотрев «Меловой круг», я понял, что момент наступил. Надо было его зафиксировать. Я собрался снимать большой фильм «Бертольт Брехт на проспекте Руставели» и принялся за работу над сценарием.

Через полгода после премьеры спектакль отправили на гастроли в Москву. На первом показе зал был на треть неполон. Но уже на второй вечер Театр Маяковского

напоминал крепость в момент осады. Знаменитости ранга Андрея Миронова, не достав сидячих мест, смотрели стоя. На ноги была поднята вся Москва; откликнулась почти вся пресса — от большой «Правды» до «Пионерской».

Я записывал для будущего фильма мнения московских звезд. В моем архиве сохранились магнитофонные пленки с записью этих бесед. Прежде они не публиковались.

Юрий ЛЮБИМОВ: Очень оптимистичный театр и народный. А точнее так: потому и оптимистический, что народный. Режиссер и актеры пользуются очень широкой палитрой — живописной, звуковой, пластической. Это возвращение к народному первоисточнику.

Олег ЕФРЕМОВ: В наш век молодежь жаждет развлечений, жаждет оглушать себя ритмами, звуками, движением. В спектакле все это есть, но мне это менее всего близко. А вот умение проникнуть в человека, в его сущность, в его боль — это мне по душе.

Андрей ТАРКОВСКИЙ: Знаете, в чем их секрет? Актеры не скрывают, что они актеры. Они наслаждаются тем, что на сцене показывают себя, они узнаваемы и заражают нас радостью, которую испытывают, находясь на сцене. Они почти летают над ней, и это какое-то волшебство. Стуруа сумел заразить их каким-то состоянием, новым не только для Театра Руставели, но и для всех нас. Он вернул публике ощущение корней театра. Этот спектакль не только гордость и слава грузинского театра, но и моя гордость. Потому что мне никогда уже и в голову не придет не свериться с ним, он будет присутствовать в моем сознании как вежа и заставит меня ориентироваться на какой-то уже совсем другой уровень театральной режиссуры.

...После Москвы «Кавказский меловой круг» отправился странствовать по миру: Германия, Мексика, Югославия, Англия, Греция, Австралия, Аргентина, США... И что интересно: в столь непохожих на Грузию странах подчеркнуто

грузинский по духу спектакль находил живой отклик и понимание. Кроме Стуруа пресса обязательно отмечала композитора Пию Канчели: его музыка — и мотор, и сердце, и душа спектакля; художника Георгия Алекс-Месхишвили; неподражаемого Рамаза Чхиквадзе и весь блистательный актерский ансамбль — Т. Долидзе, Г. Сагарадзе, Ж. Лолашвили, Дж. Ганидзе, К. Саканделидзе. Вслед за первым успехом к коллективу Стуруа пришли новые триумфы — «Ричард III», «Король Лир», «Гамлет»... Но до сих пор именно «Кавказский меловой круг» остается знаменем и фирменной маркой Театра Руставели.

Что же касается фильма, то, увы, заявку в Госкино «зарубили»: разве можно снимать фильм о режиссере, у которого даже звание почетного нет! До сих пор обидно, что не удалось увековечить на пленке первый и самый яркий взлет театра Роберта Стуруа.

Сергей Страхов — заслуженный деятель искусств Грузии, режиссер-документалист.